

## ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОЖИДАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: КИТАЙСКИЙ ВЕКТОР

**Захарова Марина Валентиновна,**

SPIN-код: 8245-5492

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Российская Федерация, г. Москва, mavzakharova@fa.ru

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** академическая мобильность; русско-китайская коммуникация; английский как язык международного общения; межкультурная прагматика; речевые акты; стратегии вежливости; адаптация коммуникативного поведения

**АННОТАЦИЯ.** Глобальное распространение английского языка как lingua franca (ELF) смещает акцент в обучении иностранным языкам с обучения имитации норм носителей на изучение стратегической гибкости в межкультурном общении. Особую актуальность это приобретает для российских студентов в контексте переориентации академической мобильности на восточные направления, прежде всего Китай. Цель статьи – проанализировать различия в коммуникативных реализациях русской и китайской лингвокультур и предложить алгоритмы адаптации ключевых речевых актов (small talk, просьбы, отказы, критика, извинения, согласие / несогласие) при взаимодействии русских и китайских коммуникантов на английском языке в китайской академической среде. В опоре на классические теории вежливости и их восточные интерпретации демонстрируется, что русская прямолинейность и выученные западные модели вежливости, преподаваемые в университетах по умолчанию, могут приводить к прагматическим сбоям. В статье предлагаются конкретные механизмы смягчения речевых актов, позволяющие минимизировать риски недопонимания. Результаты показывают необходимость контрастного и аддитивного обучения прагматике ELF, где нормы родного языка и стиля дополняются новыми языковыми элементами для поддержания взаимоважительного диалога.

**ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:** Захарова, М. В. Лингвокультурные ожидания в английском языке: китайский вектор / М. В. Захарова // Педагогическое образование в России. – 2026. – № 3. – С. 140–149.

## LINGUOCULTURAL EXPECTATIONS IN ENGLISH: THE CHINESE VECTOR

**Zakharova Marina Valentinovna,**

Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Department of English Language and Professional Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation, Russian Federation, Moscow

**KEYWORDS:** academic mobility; Russian-Chinese communication; English as a language of international communication; intercultural pragmatics; speech acts; politeness strategies; adaptation of communicative behavior

**ABSTRACT.** The global spread of English as a lingua franca (ELF) is shifting the emphasis in foreign language teaching from imitation of native speaker norms to the development of strategic flexibility in intercultural communication. This is particularly relevant for Russian students in the context of the shift in academic mobility toward Eastern destinations, primarily China. The article deals with the differences in verbalization of Russian and Chinese linguocultural propositions and offers adapting mechanisms for key speech acts (small talk, requests, refusals, criticism, apologies, consent / disagreement) in the interaction of Russian and Chinese communicants in English as a lingua franca in the Chinese university environment. Drawing on classical theories of politeness and their Eastern reinterpretations, the author demonstrates that Russian communicative straightforwardness and Western models of politeness, taught by default, can lead to serious pragmatic failures. The article proposes specific linguistic formulas and strategies for mitigating speech acts to minimize the risk of misunderstanding. The results demonstrate the need for contrastive and additive teaching of ELF pragmatics, where native style is not corrected but rather supplemented with new tools to support mutually respectful dialogue.

**FOR CITATION:** Zakharova, M. V. (2026). Linguocultural Expectations in English: The Chinese Vector. In *Pedagogical Education in Russia*. No. 3, pp. 140–149.

Глобальное распространение английского языка как lingua franca и языка международного общения (ELF/EIL) постепенно меняет расстановку акцентов в обучении прагматике иностранного языка. На передний план выходит задача повышения коммуникативной компетентности и взаимопонимания собеседников из разных языковых и культурных групп в независимости от их родного языка [18, 27]. Определённая сложность в таком взаимодействии обусловлена тем, что у коммуникантов отсутствует общая система культурно-этикетных

норм и ожиданий [17], а подстройка друг под друга благодаря единому языку коммуникации, английскому, не осуществляется автоматически [27].

Для студентов российских неязыковых вузов, изучающих английский язык, это означает, что сегодня им необходимо целенаправленно осваивать навыки интерпретации и гибкого использования контекстно-зависимых речевых актов на английском языке, но не с носителями языка, а с такими же изучающими английский как иностранный [2]. Стоит отметить, что зарубежные и

отечественные учебные материалы по английскому языку, используемые в учебном процессе в российских программах бакалавриата и магистратуры, до сих пор преимущественно ориентированы на нормы носителей языка (американские или британские) [1, 5, 6]. Их представляют российским обучающимся в качестве универсальных норм международного общения, не акцентируя внимание на том, как корректировать социопрагматические принципы взаимодействия в зависимости от того, является ли собеседник, например, студентом из Венгрии или из Китая [16], и почему в некоторых случаях возникает недопонимание, неожиданные негативные оценки личностных или профессиональных качеств друг друга [22]. То, что кажется «одним и тем же» речевым действием, в разных культурах может быть истолковано участниками коммуникации совершенно по-разному и истолкование таких действий не универсально [24, 29].

Изменение геополитической обстановки кардинально переориентировало российское высшее образование на Восток [3], превратив Китай в одно из главных направлений академической мобильности российских студентов. По данным на 2026 год, общее число участников студенческих обменов между Россией и КНР достигло рекордных 80 тысяч человек (по информации Фонда Русский мир), а количество россиян, получающих образование в Китае на английском языке, составляет до 20 процентов российских студентов (по информации Интерфакса). Важно отметить, что к продуктивному общению с китайскими однокурсниками русским студентам, направляющимся на стажировки в Китай, необходимо специально готовиться.

Цель данной статьи – проанализировать различия между русскими и китайскими лингвокультурными ожиданиями, а также представить алгоритмы языковой адаптации речевых актов носителей русского языка к ситуациям взаимодействия с носителями китайского языка на английском языке в китайской академической среде.

Среди центральных задач статьи можно выделить: описание языковых особенностей, привносимых коммуникантами из родного языка в английский язык, и рекомендаций для русских студентов, что говорить и как формулировать, для предотвращения серьезных прагматических ошибок в реальном межкультурном общении. Русским студентам следует развивать *стратегическую гибкость* – способность считывать культурный профиль собеседника и соответствующим образом подстраиваться под иные культурные нормы [11].

Основы преподавания прагматики иностранного языка, в частности, вежливости, опираются на классическую теорию вежливости П. Браун и С. Левинсона (1987) (концепцию «лица» (позитивного / негативного), публичного образа себя, универсальных стратегий смягчения речевых действий, угрожающих лицу) [9] и принцип вежливости Дж. Лича (1983) (концепцию минимизации конфликтов в межличностном общении через максимы такта, великодушия, одобрения, скромности, согласия и симпатии; приоритетность дистанции автономности и психологического комфорта личности) [19, 20].

Критики утверждают, что данные теории отражают западную картину мира и не совсем соответствуют китайскому культурному контексту, где в социальной структуре главенствует иерархия (ср. европейское равенство), социальная гармония (ср. личностная автономия) и коллективное «лицо» (ср. индивидуальное). Работы Ю. Гу (1990) и Л. Мао (1994) предлагают более обоснованные с культурной точки зрения объяснения основ китайской вежливости и правил межличностного общения. Ю. Гу видоизменил максимы вежливости Дж. Лича под конфуцианские ценности и сформулировал четыре правила, которые определяют поведение китайцев в социуме: максимы скромности и самоуничижения, уважительности и уместности обращений, такта и доброжелательности, изящества и благопристойности [15]. Л. Мао (1994) пересмотрел западные теории лица и описал дихотомию лица: «мяньцзы» (социальное лицо – репутация, престиж, статус человека, т. е. лицо, которое «зарабатывается» благодаря успехам, богатству, связям) и «лянь» (моральное лицо – базовое доверие общества к человеку как к порядочному члену социума, соблюдающему моральные нормы, такое лицо нельзя приумножить, можно только потерять). В отличие от западного понимания, где каждый человек оберегает свои личные границы, китайское «лицо» функционирует по другим правилам: лицо принадлежит обществу и существует только тогда, когда окружающие его признают; вежливость – стремление человека вести себя в полном соответствии со своими социальными обязательствами; потеря лица одним человеком автоматически бросает тень на его семью, коллег или даже страну [23].

У российского студента, ведущего диалог на английском языке с китайским собеседником, присутствует двойная проблема: с одной стороны, студент обучен западным нормам поведения на иностранном языке («I would like to know if you could...»); с другой стороны, его родной стиль общения не

является ни западным, ни восточным, и обладает собственными чертами, например, прямолинейностью и импозитивностью («Сделайте это»). Русская коммуникативная культура характеризуется искренностью, категоричностью, склонностью к эксплицитной негативной обратной связи; в ней доминирует ориентирование на содержательную (информативную) сторону беседы, а не фатическую (формальной, ритуальной). Одновременно она глубоко контекстуальна, эмоционально насыщена и строго дифференцирована в зависимости от дистанции отношений [4, 26, 30]. Таким образом, без сознательного знакомства с особенностями китайской коммуникации россиянин имеет возможность попасть в ситуацию, где он истолкует азиатскую косвенность как нечестность или слабость, в то время как азиатский собеседник воспримет русскую прямоту как агрессию или грубость. Более того, даже выученная на занятиях по английскому языку западная модель вежливости может оказаться несоответствующей и контрпродуктивной при общении с китайскими собеседниками, так как ожидания собеседников неоднородны [18].

Такие культурные различия создают зоны *прагматической интерференции* между русскими и китайскими собеседниками, а именно, ситуации, когда оба коммуниканта переносят нормы родного языка в иностранный язык и результат оказывается противоположным их намерениям из-за несовпадения интерпретации одного и того же речевого действия [28].

Для понимания несоответствия базовых коммуникативных установок российских студентов (=прагматических норм родного языка) и целевых коммуникативных ожиданий китайской аудитории (=прагматических норм языка собеседника) ниже рассматриваются особенности вербализации *типичных речевых актов*: светской беседы и фатической коммуникации (*small talk*); просьб (*requests*); отказов (*refusals*); критики и негативной обратной связи (*criticism, negative feedback*); извинений (*apologies*); согласия и несогласия (*agreeing / disagreeing*). Данные речевые акты отобраны на основе их высокой частотности в социальном взаимодействии и задокументированных в научной литературе лингвокультурных различий. Для каждого речевого акта определены характерная для русского языка тенденция к формулированию мыслей и ожидаемый способ выражения для китайского собеседника, а также предложены модификации речевых актов, призванные снизить прагматические риски при использовании английского языка как инструмента общения.

Речевой акт *small talk* («непринужденная беседа») обыкновенно выполняет функцию установления контакта. Русский стиль общения, как правило, предполагает минимальную фатическую фазу, это некая формальность, которая, вероятнее всего, избегается. Продолжительные обсуждения погоды, еды или самочувствия воспринимаются как скучные, поверхностные, бесполезные и даже раздражающие [4, 26].

Для китайских студентов непринужденная беседа представляется ожидаемой фазой разговора, она несёт значимую этикетно-смысловую нагрузку и выступает в качестве мостика к основному разговору. Она необязательно требует глубокой искренности, но необходима для определения иерархии, проверки статуса собеседника и потенциальной дистанции. Пропуск *small talk* на нейтральные темы трактуется как проявление грубости или неуважения по отношению к собеседнику [8, 31].

С другой стороны, для русского собеседника вопрос *'How are you?'* это реальный вопрос, на который ожидается искренний, честный ответ *'Terrible, I didn't sleep, this assignment is killing me'* или нейтральное *'Fine'* с интонацией. Для китайского же студента *'How are you?'* ритуальная формула с кратким формальным позитивным или нейтральным ответом: *'I'm fine', 'Not bad', 'Ok'*. Эксплицитные жалобы в целом возможны только между очень близким друзьям, а не в *small talk*, и откровенный негативный ответ ощущается как давление на собеседника и потерю лица из-за недопустимости публичной демонстрации слабости.

*Small talk* иногда недооценивают как зону прагматического риска, а именно здесь возникают первые сбои, которые потом разрушают взаимодействие собеседников. Русскому студенту необходимо удлинять фатическую фазу через простые шаблоны *'It's cold today. Did you eat? How was your class?'* и воспринимать несколько минут нейтрального *small talk* как некую инвестицию в доверие китайского сокурсника; не стоит ожидать развёрнутого честного ответа на *'How are you?'*, а самому нужно отвечать позитивно или нейтрально, даже если всё плохо: *'I'm okay, thanks. Busy but fine'*.

Наиболее безопасными темами для *small talk* считаются темы, не требующие глубокого культурно-специфичного кода: еда, путешествия, учеба, история страны и вопросы о семье. Последние, хотя и могут показаться русскому студенту излишне личными, являются нормой вежливости для китайской стороны.

Для перевода *small talk* из зоны риска в зону успешной коммуникации рекомендуется применять формулу: фатические фра-

зы + обращение + вопрос для непринуждённой беседы (phatic phrases + address term + small-talk question): *Hi, [Name], have you eaten / finished class?, Hey, [Name], where are you going?*

Просьбы как речевой акт являются зоной высокого прагматического риска в русско-китайской коммуникации, поскольку затрагивают три ключевых параметра одновременно: иерархию (кто имеет право просить кого), лицо (просьба угрожает лицу просящего и лицу отказывающего), гармонию (отказ её нарушает).

В русской лингвокультурной традиции просьбы между студентами формулируются прямо и минималистично или с умеренной степенью косвенности. Типичные формы включают 'Можешь...?' ('*Can you...?*'), 'Не мог бы ты...?' ('*Could you...?*') или в неформальной коммуникации императивы 'Сделай это, пожалуйста', 'Скинь файл' ('*Send me the file*'). Русскоязычные студенты редко используют развёрнутые смягчающие преамбулы [4].

В китайской культуре просьбы также формулируются достаточно прямо через императивы с добавлением «please» как смягчительным лексическим компонентом [14].

В ситуации просьб прагматический риск вызывают выученные на занятиях по английскому языку европейские формы, косвенные и извинительные с добавлением:

- извинений за беспокойство и оговорок о занятости собеседника (подготовка к просьбе): *Excuse me for troubling you, Sorry to bother you, I know you are busy, Only if you are not too busy;*

- объяснений причины просьбы или обоснованием групповой пользы просьбы: *I missed the class because I was sick..., This will (would) help our project, team;* кроме того с избеганием личных местоимений первого лица ('*I want*') и заменой их безличными конструкциями: '*Perhaps it would be possible to...*' или '*Would there be a way to...*' (ср. русское 'Я хочу' или 'Мне нужно');

- альтернативы для отказа: *But if you're busy, no problem at all, No pressure at all.*

Типовое наполнение просьбы, предписываемое учебниками английского языка, состоит из следующих компонентов: извинение или признание занятости собеседника + косвенная просьба + альтернатива для отказа: *Sorry to bother you. I have a small favour to ask. I missed the lecture. Would you be able to share your notes when you have time?; Can I trouble you to explain this part? Could you help me with this question, please? Can you say that again, please?* Тогда как русская и китайская традиции отдадут предпочтение прямым просьбам, выраженным глаголами действия и частицами «по-

жалуйста»/ «*qǐng*», которые в русской и китайской традиции выполняют индикации вежливости.

Отказы представляют собой деликатный речевой акт и для русской, и для китайской культуры, так как по своей внутренней природе они являются актом, угрожающим «лицу» и в европейском понимании, и в китайском.

В русской студенческой среде отказ обычно формулируется прямо и кратко с минимальным объяснением причины или извинением, например: *Нет, я не могу, потому что у меня дедлайн; Нет, извини, не получится.* «Нет» является нормой и не воспринимается как грубость или личное оскорбление. В горизонтальной плоскости студент студенту русский коммуникант не испытывает необходимости в развёрнутых смягчающих стратегиях [26].

В китайской культуре прямой отказ практически табуирован. Даже между равными студентами слово 'нет' избегается в его прямом виде почти любой ценой, а отказы косвенны и многокомпоненты [25, 32].

Для того, чтобы не выглядеть невежливым в глазах китайского собеседника, необходимо адаптировать отказы под культурные ожидания путём:

- сознательного добавления сожаления через условное согласие и желание согласиться: *I really wish I could, but...* (ср. В русской традиции выражение сожаления выражается извинительными фразами ('*Извини, но нет*' – *I'm so sorry, but...*);

- замена прямого «нет» на уклончивый имплицитный отказ (например, через фразы с откладыванием ответа): *That might be difficult, Let me think about it, Let me check and get back to you* (вместо 'No');

- перенос причины отказа и ответственности за отказ на внешние обстоятельства: *My schedule is completely full this week, My supervisor already asked me to do something else; I have a test* (ср. В русской традиции причина отказа может быть как внешней ('У меня дедлайн'), так и внутренней ('Я не хочу'). В китайской традиции предпочтительнее внешние условия, поскольку не угрожают лицу и лишают отказ личной свободы действий);

- предложением альтернативы: *I can't do the full task, but I can help with a small part; I can't help with the whole report, but I can send you my notes; Why don't you ask...?* (ср. В русской традиции альтернатива факультативна, а в китайской способствует сохранению лица обеих сторон).

Основные сигналы китайского отказа для русского студента, которые иногда пропускаются: *I'll try, Maybe later, Let me think about it, I'm not sure, It's difficult, I'll check*

*and let you know, I'm busy these days, Maybe next time*, как и паузы, молчание или смена темы и избегание ответа.

Формула отказа, таким образом, сочетает несколько элементов: выражение условного желания + уклончивая причина с фокусом на внешние обстоятельства + предложение альтернатива: *I wish I could..., but my schedule is completely full this week. Maybe I can help next week? Or perhaps my classmate could help?; That might be difficult. I'll have to think about it. Let me check and get back to you; My schedule is completely full, but I can do a small part; Thanks for inviting me, but I have an exam tomorrow, maybe next time.*

Критика ещё одна область, где русская прямолинейность может вызывать значительные прагматические сбои при общении с собеседниками из Китая. Критика напрямую атакует позитивное лицо собеседника и разрушает его социальный имидж.

Русскоязычные студенты, как правило, высказывают критику прямо, недвусмысленно и без позитивной формулировки, например: *This is wrong, You made a mistake here, Your method doesn't work* – конкретно, адресно, однако, скорее, с направленностью на действие или результат, но не на личность. Допустима эмоциональная, громкая критика с перебиваниями, демонстрирующая не злость, а вовлечённость, честность и конструктивность – человек говорит то, что думает. Смягчающие стратегии используются редко.

В китайской культуре критика максимально непрямая, с допустимым указанием на проблему и в форме предложения, как проблему решить. Критика в данном случае не порицание, а демонстрация заботы, искренности и дружественного настроения, когда критикующий разделяет ответственность за происходящее и чувствует себя обязанным помочь исправить ситуацию [10]. Также критика желательна один на один, потому что публичная критика равнозначна «социальной казни» (ср. «лучше оставить ошибку незамеченной, чем публично указать на неё и разрушить отношения»).

«Правильная» критика должна быть:

– конфиденциальной и приватной (ср. в русской традиции можно высказываться публично (в группе, в общем чате));

– косвенной (через вопросы или предложения-предположения, не утверждения): *Have you considered...?, What if we tried...?, Maybe there's another way to look at this?* (вместо прямого *This is wrong*);

– с размытием ответственности через использование «мы»: *Maybe we need to rethink this part; Perhaps we missed something; Maybe we need to look at this*

*section again* (ср. В русской традиции критика может быть адресована собеседнику напрямую: *Ты ошибся*);

– неадресная, с переносом критики с лица на неодушевлённый объект или процесс: *This version has some small technical issues* (вместо *You made a mistake*).

Русскому студенту следует запомнить, что публичная прямая негативная критика, даже дружеская, означает конец отношений, с другой стороны, не ожидать эксплицитно выраженную критику от китайского собеседника, так как предполагается её чтение между строк.

*Извинение* – это речевой акт, в котором говорящий признает свою вину, временно роняет своё положительное лицо, но предпринимает попытку восстановить баланс в отношениях. Извинение обыкновенно следует за проступком, и форма извинения зависит от степени серьёзности вины. Частота, интенсивность и глубина извинений несколько похожи в русской и китайской студенческой среде.

В русской культуре извинения приносятся за серьёзные нарушения, извинение это признание вины и эмоциональное раскаяние. Чрезмерные извинения за мелочи, например, за опоздание на две минуты или за случайное беспокойство факультативны, кратких и быстрых извинительных форм достаточно для исчерпания инцидента: *'Извини'* или *'Прости, я опоздал'*. Развёрнутые самокритичные формулы с признанием вины (*'Это целиком моя вина', 'Что же я наделал!'*) используются обычно в ситуациях, имеющих серьёзные последствия [26].

В китайской культуре извинения в форме менее частотны и по меньшему количеству поводов, так как связаны с феноменом сохранения лица, которому угрожает признание ошибки. В китайской норме извинение вынужденный акт, который принимает формы компенсации (*'Очень сожалею', 'Приношу вам извинения', 'Мне неловко'* – не признание фактической вины, но акт восстановления социальной гармонии, так как это принятие ответственности, которую одному нести не хочется), самозащиты (*'Прощу меня понять', 'Будьте снисходительны'* – возможно, при самоуничижении извиняющегося пострадавшая сторона не заметит проступок и не придаст значения нарушению гармонии) и девальвации-нивелирования проступка (*'Пустяки', 'Это такие мелочи'*) [7, 21].

При общении с китайскими собеседниками русскому студенту необходимо перестать ожидать формальных извинительных фраз, а самому в ситуациях с реальной виной пользоваться механизмами «укрупнения» извинений:

– явного и смиренного принижения себя через самокритику с признанием ответственности: *This was entirely my mistake. I should have been more careful;*

– признание последствий для группы и/или собеседника: *I am so sorry for causing trouble for the team* (ср. В русской традиции извинение адресовано скорее лично собеседнику);

– объяснение причин произошедшего и предложение исправить ситуацию (даже символическое): *Please let me make it up to you. I will stay late to fix this.*

Если русский собеседник действительно виноват перед китайским собеседником, можно усилить извинения через цепочку извинений – два-три извинения вместо одиночного *I am sorry*, например: *I really apologize. I feel bad about this. I'll fix it; I am so sorry for being late. This was entirely my fault. I know your time is valuable, and I apologize for any inconvenience I may have caused. Please let me make it up to you.*

Выражение *согласия* и *несогласия* ещё одна область, где могут возникнуть прагматические сбои при общении русских и китайских студентов.

Русское *несогласие* выражается открыто в ситуации, когда говорящий придерживается иной точки зрения, например: *Я не согласен, Ты не прав, Это неправильно.* Прямое несогласие воспринимается как норма и не является источником конфликта, с одной стороны, но и может быть актом угрозы чужой репутации, с другой стороны.

В китайской культуре несогласие в публичном и частично публичном контексте присутствует как механизм поддержания сотрудничества, установления межличностных отношений и повышения престижа при обмене информацией. Несогласие – это уместная стратегия взаимодействия, а не нарушения гармонии [12].

Несогласие русского коммуниканта в китайском контексте желательнее завуалировать косвенностью через:

– добавление согласия перед несогла-

сием: *Right, what you have said makes a lot of sense, but..., This is a great idea, however, ...;*

– смягчение и нейтрализация точки зрения: *That's an interesting perspective, I hadn't thought of it that way;*

– формулировка несогласия в виде несколько риторического вопроса: *What would happen if we also considered that?, Could we look at it this way instead? Would doing it this way perhaps be a little too late?* (прямое противоречие в форме утверждения приостанавливает диалог, а через вопрос собеседник подталкивает говорящего самостоятельно заметить то, с чем они не согласны);

– приглашение к совместному рассмотрению ситуации: *Let's look into it a bit more, Let's think about it more.*

Русское прямолинейное *I disagree. You're wrong* трансформируется по формуле: ложное согласие + смягчение через просьбу подумать или нейтрализацию через внешние обстоятельства, например: *That's an interesting perspective. I hadn't thought of it that way. Yes, I agree with most of that. Could we talk about one small point later?*

*Согласие* русскими говорящими выражается прямо, без избыточной эмоциональности и бурного выражения восторга, например: *Да, согласен; Хорошая мысль; Звучит разумно,* хотя экспрессия допустима – *‘Отличная идея!’.*

В китайской культуре *согласие* тоже сдержанно и достаточно неэмоционально. Однако, китайский собеседник ожидает от русского собеседника ещё большей сдержанности (*‘That sounds reasonable’* вместо *‘Great idea!’*) и некоторого фокуса на пользе для группы (*This will help our project; That's a balanced approach. This will help our team move forward; We support this direction*), тогда как в русской традиции согласие может выражаться как индивидуальная позиция (*Я согласен*) [13].

В таблице обобщены ключевые лингвокультурные ожидания русских и китайских собеседников.

Таблица. Коммуникативные ожидания – русские и китайские

Речевой акт	Русская норма	Китайские ожидания
Small talk (непринужденная беседа)	минимум	развернутая, непринужденные темы, без спешки
Просьбы	прямые	прямые
Отказы	прямое “но”	избегание отказа в принципе; избегание прямого «но»; перекладывание ответственности на других, имплицитность
Критика	прямая, эксплицитная	избегание публичной критики, выражение через косвенные намеки
Извинения	за серьезные ошибки	за серьезные ошибки, с ритуальной самокритикой и самоуничтожением
Несогласие	прямое	через согласие; смягчается и завуалируется, предпочтение вопросов утверждениям
Согласие	прямое, сдержанное	сдержанное, акцент на групповой выгоде

Отдельно стоит отметить языковые формы, изучению которых нужно уделить особое внимание во время занятий по английскому языку при знакомстве с рассмотренными выше речевыми актами:

1) инструменты повышения уровня косвенности:

– вопросительные формы с модальными глаголами (*Could you / we...?*);

– условные предложения (с “*if*” / “*would*”) и аппозитивные конструкции (*If it is not too much trouble...*);

– формы прошедшего времени для настоящего времени со значением дистанцирования и гипотетичности (*I thought we could consider cancelling this meeting, I was hoping, I wanted to ask you...*);

– мягкий негатив (*I am afraid...*);

– лексические маркеры хеджирования (*Apparently, Supposedly, Perhaps, Maybe*);

2) инструменты для повышения уровня уважительности:

– формулы вежливости (*Please, Thank you*);

– вежливые обращения (*Sir, Mr, Dr*);

3) инструменты снятия угрозы «лицу собеседника»:

– пассивные конструкции (*It was anticipated*);

– замена одушевленного субъекта действия на неодушевленный действия (*I suggest – The data suggest, Rumors say...*).

Итак, российские студенты при изучении английского языка должны учитывать, что социопрагматические установки, приносимые в общение на иностранном языке из родного языка, не являются культурно нейтральными. Для преодоления асимметрии коммуникативных ожиданий собеседников необходимо изучать методы распознавания линвокультурной ориентации участников взаимодействия (особенно на иностранном языке) и способы активирования соответствующего коммуникативной ситуации репертуара языковых средств.

Важно отметить, что заложенное по умолчанию в преподавание английского

языка как иностранного предположение, что преподавания «западной» прагматики достаточно для успешного установления контакта между собеседниками из разных культур, несостоятельно, когда взаимодействие происходит между представителями неевропейских культур. Для русскоязычных студентов, которые планируют обучаться на международных академических программах и одновременно общаться со студентами из Азии и Европы и других континентов, способность переключаться между культурными кодами не роскошь, а необходимость, несмотря на то, что глобализация проникает в сферу общения и стирает культурные особенности.

В заключение приведем несколько ключевых педагогических принципов, которыми стоит руководствоваться при преподавании английского языка для межкультурной коммуникации:

– контрастное обучение (*Что бы вы сказали по-русски? А что бы вы сказали английскому однокурснику? Китайскому однокурснику?*);

– обучение моделированию ситуаций общения в разных культурных контекстах;

– аддитивное обучение, не корректирующее – расширение арсенала прагматических инструментов.

В статье не представлены первичные эмпирические данные, как китайские собеседники на самом деле воспринимают английский язык русских обучающихся и какие прагматические ошибки наиболее серьёзны и вызывают недопонимание. Валидация представленных педагогических отправных точек с помощью анализа реальных данных или корпусного анализа, так же как и расширение спектра речевых актов, остаётся важным направлением будущих исследований. В мире, где английский язык принадлежит всем его пользователям, цель обучения состоит в комфортном, гибком и взаимоуважительном общении между культурами.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Будникова, А.А. Анализ учебников английского языка как международного для вузов: целеполагание, содержание, принципы / А. А. Будникова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2021. – № 7 (160). – С. 62-69. EDN: AODGDT.
2. Козлова, Л.А. Сопоставительная прагматика: речевые акты в этнокультурном ракурсе / Л. А. Козлова. – Барнаул: АлтГПУ, 2021. – 176 с. ISBN: 978-5-907487-03-1. EDN: CWPPEJ.
3. Константинова, Л.В. Трансформация международной деятельности российских вузов в условиях новой геополитической ситуации / Л. В. Константинова, Е. В. Шубенкова, В. В. Ворожихин и др. / Результаты мониторинга информации о тенденциях развития высшего образования в мире и в России. – 2023. – Вып. 13. – 120 с. ISBN: 978-5-7307-2060-2. EDN: SDAIZW.
4. Ларина, Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских линвокультурных традиций / Т. В. Ларина. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 260 с. ISBN: 978-5-9551-0297-9. EDN: SUQIKR.
5. Оберемко, О.Г. Проблема использования зарубежных учебников в дополнительном языковом образовании взрослых в современных геополитических условиях / О.Г. Оберемко, Е.А. Лукьянова // Язык и культура. – 2025. – № 71. – С. 210-226. DOI: 10.17223/19996195/71/9. EDN: WHLEJD.

6. Пустохайлова, А.А. Культурологический аспект в преподавании иностранных языков / А. А. Пустохайлова, Н. Д. Сергушова // Педагогика и психология: вопросы теории и практики. – 2021. – № 2. – С. 6-9. EDN: XRHISY.
7. Селезнева, Н.В. Лингвокультурная специфика речевого акта извинения в китайском языке / Н. В. Селезнева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – № 15 (7). – С. 2380-2384. DOI: 10.30853/phil20220379. EDN: WNHMAR.
8. Чернышева, А.Ю. Рече-поведенческие тактики приветствия в русском и китайском языках / А. Ю. Чернышева, В. Чан // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2018. – № 160 (5). – С. 1142-1150. EDN: JTALGP.
9. Brown, P. Politeness: Some universals in language usage / P. Brown, S. C. Levinson. - Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 345 p. DOI: 10.1017/CBO9780511813085.
10. Bu, J. A study of pragmatic transfer in criticism strategies by Chinese EFL learners / J. Bu // Athens Journal of Philology. – 2022. – № 9 (4). – Pp. 275-294. DOI: 10.30958/ajp.9-4-1. EDN: MRCHAX.
11. Byram, M. Teaching and assessing intercultural communicative competence: revisited / M. Byram. – Bristol, England; Blue Ridge Summit, Pennsylvania: Multilingual Matters. – 2020. – 200 p. DOI: 10.2307/jj.22730614.
12. Chen, Z. Disagreement speech acts among friends in Chinese and Japanese: A corpus-based comparative study / Z. Chen // Acta Linguistica Asiatica. – 2026. – № 1 (16). – Pp. 69-98. DOI: 10.4312/ala.16.1.69-98. EDN: CGUETT.
13. Gander, A.J. Expressing agreement in Swedish and Chinese: A case study of communicative feedback in first-time encounters / A. J. Gander, N. B. Lindström, P. Gander // International Conference on Human-Computer Interaction. – Cham: Springer International Publishing, 2021. – Pp. 390-407. DOI: 10.1007/978-3-030-77074-7\_30.
14. Gao, H. Features of request strategies in Chinese / H. Gao // Lund University, Dept. of Linguistics. Working papers. – 1999. – № 47. – Pp. 73-86.
15. Gu, Y. Politeness phenomena in modern Chinese / Y. Gu // Journal of Pragmatics. – 1990. – № 14 (2). – Pp. 237-257. DOI: 10.1016/0378-2166(90)90082-O.
16. Ishihara, N. Teaching and learning pragmatics: Where language and culture meet / N. Ishihara, A. D. Cohen. – New York: Routledge, 2014. – 384 p. DOI: 10.4324/9781315833842.
17. Kadar, D.Z. Cross-cultural pragmatics / D. Z. Kadar, J. House. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – 282 p. ISBN: 978-1-108-84511-3.
18. Kecskés, I. Intercultural pragmatics / I. Kecskés. – New York: Oxford University Press, 2014. – 277 p. ISBN 978-0-19-0989265-5.
19. Leech, G. Politeness: West and East / G. Leech, T. Larina // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. – 2014. – № 4. – Pp. 9-34. EDN: TFLGPX.
20. Leech, G.N. Principles of pragmatics / G. N. Leech. – New York: Routledge, 2016. – 264 p. DOI: 10.4324/9781315835976.
21. Li, S. Apologies in Chinese and English: A research report / S. Li, L. Lida // Intercultural Communication Studies. – 2002. – № 5 (3). – Pp.131-144.
22. Liu, Z. Influence of Chinese culture on the politeness strategies in the second language acquisition of English among Chinese learners / Z. Liu // Proceedings of 2022 7th International Conference on Social Sciences and Economic Development (ICSED 2022). – 2022. – Vol. 215. – Pp. 1178-1182. DOI: 10.2991/aebmr.k.220405.195.
23. Mao, L.R. Beyond politeness theory: "Face" revisited and renewed / L. R. Mao // Journal of Pragmatics. – 1994. – № 21 (5). – Pp. 451-486.
24. Merchant, S. The role of pragmatics in cross-cultural communication / S. Merchant, G. Adnan, U. Ahmed et al. // ASSAJ. – 2025. – № 4 (1). – Pp. 1395-1405. DOI: 10.55966/assaj.2025.4.1.081. EDN: HKHNBX.
25. Mirzиеva, L.R. Pragmatic aspect of refusal behavior in Chinese (based on an online survey) / L. R. Mirzиеva // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2025. – № 56 (1). – Pp. 184-196. EDN: BGDVMA.
26. Rathmayr, R. Intercultural aspects of new Russian politeness / R. Rathmayr // WU Online papers in international Business communication. Series One: Intercultural communication and language learning. – 2008. – № 4. – 9 p.
27. Taguchi, N. The pragmatic of English as a lingua franca: Research and pedagogy in the era of globalisation / N. Taguchi, N. Ishinara // Annual Review of Applied Linguistics. – 2018. – № 38. – Pp. 80-101. DOI: 10.1017/S0267190518000028.
28. Thomas, J. Cross-cultural pragmatic failure / J. Thomas // Applied Linguistics. – 1983. – № 4 (2). – Pp. 91-112. DOI: 10.1093/applin/4.2.91. EDN: ILBCDT.
29. Usmani, S. Cross-cultural pragmatics: Analysing speech acts in different cultures / S. Usmani, A. Al-mashham // International journal of language and literary studies. – 2024. – № 6 (1). – Pp. 186-198. DOI: 10.36892/ijlls.v6i1.1586. EDN: SDJFIZ.
30. Wierzbicka, A. Russian cultural scripts: The theory of cultural scripts and its applications / A. Wierzbicka // Ethos. – 2002. – № 30 (4). – Pp. 401-432. DOI: 10.1525/eth.2002.30.4.401.
31. Xia, Z. Ritual small talk in Chinese / Z. Xia, F. Liu, D. Z. Kádár, J. House // Acta Linguistica Academica. – 2023. – № 70 (4). – Pp. 487-502. DOI: 10.1556/2062.2023.00663. EDN: QITVEZ.
32. Yan, G. Refusal strategies and face concerns: A cross-cultural study of Chinese and Malaysian undergraduates / G. Yan, S. J. Bidin // Forum for Linguistic Studies. – 2025. – № 7 (10). – Pp. 132-151. DOI: 10.30564/fls.v7i10.11026. EDN: WZQMTS.

## REFERENCES

1. Budnikova, A. A. (2021). Analiz uchebnikov angliyskogo yazyka kak mezhdunarodnogo dlya vuzov: tselepolaganiye, sodержaniye, printsipy = Analysis of the textbooks of the English language as an international one for universities: target setting, contents, principles. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 7(160), 62-69. EDN: AODGDT.
2. Kozlova, L. A. (2021). Sopostavitel'naya pragmatika: rechevyye akty v etnokul'turnom rakurse = Comparative pragmatics: speech acts in an ethnocultural perspective. Barnaul: AltSPU, 176 p. ISBN: 978-5-907487-03-1. EDN: CWPPEJ.
3. Konstantinova, L. V. et al. (2023). Transformatsiya mezhdunarodnoy deyatel'nosti rossiyskikh vuzov v usloviyakh novoy geopoliticheskoy situatsii = Transformation of the international activities of Russian universities in the context of the new geopolitical situation. Results of monitoring information on trends in the development of higher education in the world and in Russia. Moscow: REA, 120 p. ISBN: 978-5-7307-2060-2. EDN: SDAIZW.
4. Larina, T. V. (2009). Kategoriya vzhlivosti i stil' kommunikatsii. Sopostavleniye angliyskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsiy = Politeness and communication style: A comparison of English and Russian linguistic and cultural traditions. Moscow: Manuscript of Ancient Rus'. 260 p. ISBN: 978-5-9551-0297-9. EDN: SUQIKR.
5. Oberemko, O. G., Lukianova, E. A. (2025). Problema ispol'zovaniya zarubezhnykh uchebnikov v dopolnitel'nom yazykovom obrazovanii vzroslykh v sovremennykh geopoliticheskikh usloviyakh = The problem of using foreign textbooks in extra language education for adults in modern geopolitical situation. *Language and culture*, 71, 210-226. DOI: 10.17223/19996195/71/9. EDN: WHLEJD.
6. Pustokhaylova, A. A., Sergushova, N. D. (2021). Kul'turologicheskiy aspekt v prepodavanii inostrannykh yazykov = Cultural aspect in teaching foreign languages. *Pedagogy and psychology: theory and practice*, 2, 6-9. EDN: XRHISY.
7. Selezveva, H. V. (2022). Lingvokul'turnaya spetsifika rechevogo akta izvinieniya v kitayskom yazyke = Linguocultural specificity of the speech act of apology in the Chinese language. *Philology: Theory and Practice*, 15(7), 2380-2384. DOI: 10.30853/phil20220379. EDN: WNHMAR.
8. Chernysheva, A. Yu., Chang, W. (2018). Reche-povedencheskiye taktiki privetstviya v russkom i kitayskom yazykakh = Speech and behavioral greeting tactics in Russian and Chinese. *Scientific Papers of Kazan University. Humanities Series*, 160(5), 1142-1150. EDN: JTALGP.
9. Brown, P., Levinson, S. C. (1987). Politeness: Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 345 p. DOI: 10.1017/CBO9780511813085.
10. Bu, J. (2022). A study of pragmatic transfer in criticism strategies by Chinese EFL learners. *Athens Journal of Philology*, 9(4), 275-294. DOI: 10.30958/ajp.9-4-1. EDN: MRCHAX.
11. Byram, M. (2020). Teaching and assessing intercultural communicative competence: revisited. Bristol, England; Blue Ridge Summit, Pennsylvania: Multilingual Matters, 200 p. DOI: 10.2307/jj.22730614.
12. Chen, Z. (2026). Disagreement speech acts among friends in Chinese and Japanese: A corpus-based comparative study. *Acta Linguistica Asiatica*, 1(16), 69-98. EDN: CGUETT.
13. Gander, A. J., Lindström, N. B., Gander P. (2021). Expressing agreement in Swedish and Chinese: A case study of communicative feedback in first-time encounters. International Conference on Human-Computer Interaction. Cham: Springer International Publishing, 390-407. DOI: 10.1007/978-3-030-77074-7\_30.
14. Gao, H. (1999). Lund University, Dept. of Linguistics. Working papers, 47, 73-86.
15. Gu, Y. (1990). Politeness phenomena in modern Chinese. *Journal of Pragmatics*, 14(2), 237-257. DOI: 10.1016/0378-2166(90)90082-O.
16. Ishihara, N., Cohen A. D. (2014). Teaching and learning pragmatics: Where language and culture meet. New York: Routledge, 384 p. DOI: 10.4324/9781315833842.
17. Kadar, D. Z., House, J. (2021). Cross-cultural pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press, 282 p. ISBN: 978-1-108-84511-3.
18. Kecskés, I. Intercultural pragmatics. New York: Oxford University Press, 2014, 277 p. ISBN 978-0-19-0989265-5.
19. Leech, G., Larina T. (2014). Politeness: West and East. *Russian Journal of Linguistics*, 4, 9-34. EDN: TFLGPX.
20. Leech, G. N. (2016). Principles of pragmatics. New York: Routledge, 264 p. DOI: 10.4324/9781315835976.
21. Li, S., Lida L. (2002). Apologies in Chinese and English: A research report. *Intercultural Communication Studies*, 5(3), 131-144.
22. Liu, Z. (2022). Influence of Chinese culture on the politeness strategies in the second language acquisition of English among Chinese learners. *Proceedings of 2022 7th International Conference on Social Sciences and Economic Development (ICSSSED 2022)*, 215, 1178-1182. DOI: 10.2991/aebmr.k.220405.195.
23. Mao, L. R. (1994). Beyond politeness theory: «Face» revisited and renewed. *Journal of Pragmatics*, 21(5), 451-486.
24. Merchant, S., Adnan, G., Ahmed U. et al. (2025). The role of pragmatics in cross-cultural communication. *ASSAJ*, 4(1), 1395-1405. DOI: 10.55966/assaj.2025.4.1.081. EDN: HKHNBX.
25. Mirzieva, L. R. (2025). Pragmatic aspect of refusal behavior in Chinese (based on an online survey). *Language theory and intercultural communication*, 56(1), 184-196. EDN: BGDBMA.
26. Rathmayr, R. (2008). Intercultural aspects of new Russian politeness. WU Online papers in international Business communication. Series One: Intercultural communication and language learning, 9 p.
27. Taguchi, N., Ishinara N. (2018). The pragmatic of English as a lingua franca: Research and pedagogy in the era of globalization. *Annual Review of Applied Linguistics*, 38, 80-101. DOI: 10.1017/S0267190518000028.
28. Thomas, J. (1983). Cross-cultural pragmatic failure. *Applied Linguistics*, 4(2), 91-112. DOI: 10.1093/applin/4.2.91. EDN: ILBCDT.

29. Usmani, S., Almashham A. (2024). Cross-cultural pragmatics: Analysing speech acts in different cultures. *International journal of language and literary studies*, 6(1), 186-198. DOI: 10.36892/ijlls.v6i1.1586. EDN: SDJFIZ.
30. Wierzbicka, A. (2002). Russian cultural scripts: The theory of cultural scripts and its applications. *Ethos*, 30(4), 401-432. DOI: 10.1525/eth.2002.30.4.401.
31. Xia, Z., Liu, F., Kádár, D. Z., House J. (2023). Ritual small talk in Chinese. *Acta Linguistica Academica*, 70(4), 487-502. DOI: 10.1556/2062.2023.00663. EDN: QITVEZ.
32. Yan, G., Bidin S. J. (2025). Refusal strategies and face concerns: A cross-cultural study of Chinese and Malaysian undergraduates. *Forum for Linguistic Studies*, 7(10), 132-151. DOI: 10.30564/fls.v7i10.11026. EDN: WZQMTS.